

Е.А. Захаров

Роль «школы архивов» в изучении возникновения тайных обществ цинского Китая

Изучение тайных обществ (хуэйдан), возникших в Китае в период правления династии Цин, уже давно стало важной составной частью синологии. Это объясняется рядом причин. Для китайских исследователей тайные общества – фактор, оказывающий значительное влияние на политическую, социальную и духовную жизнь страны с XVIII до середины XX в. Кроме того, организации, претендующие на наследие тайных обществ (в современной литературе известные как «триады») продолжают активно действовать на территории Китайской Народной Республики (КНР), Тайваня и других стран в среде китайской диаспоры. Именно по этой причине хуэйданы представляют интерес и для западных ученых, которые фактически и положили основание их научному исследованию, столкнувшись с этими социальными структурами в колониях юго-восточной Азии [1].

Цель данной работы – рассмотреть различные концепции причин возникновения и характера деятельности тайных обществ цинского Китая, а также роль «школы архивов» в изучении этих вопросов.

Большинство материалов и исследований хуэйданов, сделанных в XIX – начале XX в. чиновниками и миссионерами стран Западной Европы, в настоящее время объединены в сборнике «Общества «Триады»: западные исследования истории, социологии и лингвистики китайских тайных обществ» [2]. Несмотря на богатый фактический материал, собранный западными исследователями XVIII–XIX вв. концепции возникновения и деятельности тайных обществ, созданные ими, особенно так называемая масонская теория, давно признаны не актуальными [3, р. 188].

В самом Китае интерес к хуэйданам возникает в период подготовки Синьхайской революции (1911 г.), одной из главных задач которой было свержение династии Цин. По убеждению Сунь Ятсена, тайные общества изначально создавались как организации, оппозиционные маньчжурской власти [4, р. 190–192]. Авторитет революционного лидера, а также то, что хуэйданы действительно принимали активное участие в антицинской борьбе, особенно в XIX – начале XX в., привели к созданию теории, согласно которой главной причиной возникновения и основной целью деятельности тайных обществ был ханьский национализм, т.е. стремление к свержению маньчжурского владычества и восстановлению ханьской династии [5, с. 1; 6, р. 122; 7, р. 5–7]. Эту концепцию активно развивали китайские ученые гомиьндановского периода, она

была преобладающей в Китае до середины, а в советской синологии вплоть до конца 80-х гг. XX в.

В 50–60-х гг. XX в. в КНР проходит ряд научных дискуссий, опубликованных в периодическом издании «Вэньхуэйбао», в ходе которых Цай Шаоцин и Дай И выдвигают идеи о социально-экономических и антифеодальных причинах возникновения и характере деятельности тайных обществ [8, с. 8–13]. В западной науке эти концепции получили развитие в работах Жана Шено и Фэйлинг Дэвис, которые считали тайные общества частью «антиобщества», противостоящего давлению и угнетению крестьянского хозяйства и «первыми революционерами» Китая [9; 10, р. 16; 11, р. 177].

Принципиально важным этапом в изучении хуэйданов стало возникновение так называемой *школы архивов*. В конце 70-х, начале 80-х гг. XX в. государственное и партийное руководство КНР выпустило ряд постановлений, призывающих качественно повысить уровень исторических исследований, в том числе изучения тайных обществ. Практически это выразилось в обеспечении более свободного доступа к архивам как китайским, так и зарубежным ученым, а следствием стала активная научная работа по проблемам хуэйданов на новой источниковой базе [6, р. 140; 12, с. 157–188;].

Фактическими основателями и наиболее яркими представителями «школы архивов» стали Цай Шаоцин, Цинь Баоци (КНР), а также Чжуан Цзифа (Тайвань), которые на основе исследования ранее не использованных источников Первого исторического архива Китая в Пекине (бывший отдел исторических материалов по периодам Мин и Цин пекинского музея Гугун), а также региональных архивов, сформировали ее основные положения. По мнению выше упомянутых, а также некоторых других китайских и тайваньских ученых, борьба с династией Цин не являлась первопричиной образования и основной деятельностью тайных обществ. При этом они не отрицают полностью антиманьчжурскую и «революционную» ориентацию хуэйданов (особенно историки КНР), но главной причиной их возникновения считают эволюцию традиционных «братских» обществ взаимопомощи [13, р. 314–315].

Так, Чжуан Цзифа в своих работах «Циндай Тяньдихуэй циюанькао» («Исследование возникновения «Тяньдихуэй» при династии Цин»), «Цун голи Гугун боюань дяньцан Циндай даньган тань Тяньдихуэй

дэ юаньлю» («Возникновение «Тяньдихуэй» согласно секретным документам архива династии Цин из Национального музея дворца Гугун»), «Циндай шэхуэй цзинци бяньцянь юй мими хуэйдан дэ фачжан: Тайвань, Юньнань. Гуйчжоу дицю дэ бицзяо яньцзю» («Сравнительное исследование социально-экономических изменений при династии Цин и развитие тайных обществ на Тайване, в Гуанси, Юньнани, и Гуйчжоу»), «Циндай Минь-Юэ дицю дэ женькоу людун юй мими хуэйдан дэ фачжан» («Миграция населения из Фуцзяни и Гуандуна при династии Цин и развитие тайных обществ») и других делает следующие основные выводы:

1) первые тайные общества (в частности «Тяньдихуэй») возникали не как средство борьбы с цинской династией, не имели цели восстановления династии Мин. Их члены не обладали высоким «национальным самосознанием»;

2) основной причиной создания тайных обществ были причины социально-экономические, в особенности активные миграционные процессы в Юго-Восточном Китае XVIII в., когда группы переселенцев были вынуждены оказывать друг другу взаимную помощь;

3) необходимость создания организаций взаимной помощи усугублялась атмосферой «коллективного насилия», характерной для районов Фуцзяни и Гуандуна, что отмечалось рядом ученых и цинских чиновников XVIII в.;

4) первые тайные общества возникают в период Цяньлун (1736–1795 гг.) и приобретают антицинскую направленность в более поздний период Цяцзин (1796–1820 гг.), при этом антицинская борьба также фактически является сопротивлением членов общества внешнему насилию, но в более широком смысле, нежели на начальном этапе их существования.

Развивая свои идеи, изложенные еще в 1964 г. в ходе уже упомянутой дискуссии, Цай Шаоцин в монографии «Чжунго цзиньдай хуэйдан ши яньцзю» («Исследование истории китайских тайных обществ нового времени»), а также Цинь Баоци в работе «Цун даньань шиляокань Тяньдихуэй дэ циюань» («Происхождение «Тяньдихуэй» по данным Исторического архива») и ряде более поздних статей, как и Чжуан Цифа, отрицают создание первых тайных обществ приверженцами династии Мин. По мнению историков, тайные союзы создавались низшими слоями общества (мелкими и бродячими торговцами, «людьми рек и озер» и пр.) с целью взаимной помощи [6, p. 141–143].

Китайские представители «школы архивов», в отличие от своих предшественников, уделили большее внимание вопросу типологии тайных обществ. Некоторые китайские историки вообще считали создание какой-либо типологии хуэйданов противоречащим принципу диалектики, поскольку они возникали и раз-

вивались в разных исторических условиях [14, с. 141]. Не соглашаясь с такой точкой зрения, Цай Шаоцин в работе «Чжунго мими шэхуэй ши» («История тайных обществ Китая»), увидевшей свет в 1989 г., предлагает классифицировать основные типы хуэйданов по месту их образования и доминирующего социального состава, выделяя сельские, городские тайные общества и хуэйданы «рек и озер», т.е. созданные «вольным людом» – бродягами, разбойниками и т.п. [8, с. 30–31]. Однако, по мнению отечественного исследователя китайских тайных обществ Б.М. Новикова, в настоящее время по-прежнему имеет место «весьма слабое развитие в современном «тайноведении» типологического подхода к проблеме. Кроме того, Б.М. Новиков считает, что «в вопросах типологии конспиративных народных объединений многие «тайноведы» КНР все еще черпают сведения из работ предсинхайского и синхайского периодов, т.е. работ, написанных почти столетие назад» [12, с. 189–190].

Результаты исследований Чжуан Цифа и Цинь Баоци были представлены Дэвидом Фором на конференции «Ортодоксия и гетеродоксия в позднецинской империи», прошедшей в 1981 г. в Монтесито (США) [15, p. 3–34]. На основании работ китайских и тайваньских историков Д. Фор делает вывод о том, что свержение цинской династии не являлось первоначальной причиной вступления в тайные общества. Материалы, представленные на конференции, стали стимулом для активной работы ряда западных исследователей в архивах КНР и Тайваня, результаты которой были представлены в 1989 г. на собрании Ассоциации азиатских исследований. Наиболее яркими западными представителями «школы архивов» стали Диан Мюррей и Дэвид Оунби, опубликовавшие монографии и ряд статей по истории тайных обществ Китая [6; 7; 16–20].

Эти исследователи также считают тайные общества союзами низших социальных слоев, созданных для взаимной социально-экономической поддержки, а также для реализации духовных потребностей. Мюррей в монографии «Возникновение «Тяньдихуэй»: китайские «триады» в легенде и истории», написанной совместно с Цинь Баоци, кроме того, утверждает, что свержение цинской династии стало широко декларироваться хуэйданами с середины XIX в. после начала восстания тайпинов и преследовало чисто практические цели – завоевание симпатий народа, среди которого были очень сильны антицинские настроения, как следствие, для облегчения своей вербовочной деятельности. Диан Мюррей, как и китайские представители «школы архивов», считает, что социальную основу тайных обществ составляли не крестьяне, а преимущественно люмпенизированные слои населения [6, p. 178].

Важное место в исследовании отводится времени создания «Тяньдихуэй». В отличие от китайских

историков – сторонников антицинской версии возникновения «Общества Неба и Земли» (например Сяо Ишаня и Ло Эргана), которые относили возникновение общества к периоду Канси (1662–1722 гг.), Д. Мюррей высказывает мнение о создании «Тяньдихуэй» в период Цяньлун (1736–1795 гг.) [16, р. 178].

В монографии Д. Мюррей и Цинь Баоци приводятся переводы важных источников по истории «Общества Неба и земли» («Предание о Силу», протоколы допросов членов тайного общества цинскими чиновниками, 36 клятв, даваемых при вступлении в общество). Анализируя эти и другие источники, Д. Мюррей делает следующий вывод: «Хотя ни одно из этих свидетельств само по себе не служит документальным основанием возникновения «Тяньдихуэй» как взаимной благотворительной организации в 1761 г., но приведенные материалы действительно обеспечивают сильную поддержку архивных исследований (подразумеваются работы представителей «школы архивов». – *Е.З.*). В то же самое время на китайском материке или на Тайване не было обнаружено ничего, что подтвердило бы состоятельность других гипотез происхождения и характера «Тяньдихуэй» [6, р. 150].

Дэвид Оунби детально прослеживает, используя ставшие доступными архивные материалы китайских фондов, историю возникновения тайных обществ и приходит к выводу, что «Тяньдихуэй» не являлось первым из них. Приводя данные по таким «хуэйданам», как «Союз матери и отца» («Муфухуэй»), «Союз брака» («Хуньцзяхуэй») и другим подобным организациям первой половины XVIII в., Дэвид Оунби прослеживает их возникновение от двух основных источников: союзов «клятвы на крови» и обществ взаимной помощи [18, р. 38].

Поскольку образование союзов, основанных на взаимной клятве, было запрещено цинской властью, небезосновательно опасавшейся их членов как возможных мятежников, подобным союзам приходилось действовать тайно [14, р. 191–207]. Именно они, по мнению Д. Оунби, и стали «прародителями» тайных обществ типа «хуэйдан» [17, р. 40–41; 17, р. 44–47]. Что касается второго источника, оказавшего влияние на появление «хуэйданов», то, как уже было сказано, Оунби считает их обществами «взаимной помощи». В XVIII в. благодаря бурным демографическим процессам значительные массы населения Китая переселялись в другие места проживания, при этом испытывая значительные экономические, социальные и психологические затруднения (враждебность коренного населения). Для преодоления этих факторов по принципу землячества создавались общества взаимной поддержки, в которых мигранты могли, внося регулярный пай, в случае крайней необходимости позаимствовать нужную сумму. Как правило, такими случаями считались свадьбы, требовавшие значи-

тельных затрат, а также похороны родителей, которые в традиционном Китае считались для детей делом священным. Наконец, члены обществ могли оказать помощь друг другу при столкновениях с коренным населением или другими группами мигрантов [17, р. 33–36; 18, р. 39–44].

Дэвид Оунби, тщательно исследовавший исторические материалы восстания на Тайване (1787–1788 гг.), в отличие от сторонников антицинской версии возникновения «хуэйданов», полагавших, что причиной и целями восстания была борьба с маньчжурской династией, отмечал, что несмотря на то, что члены «Тяньдихуэй» принимали участие в этих событиях, все же «нет фактически никакого очевидного свидетельства, что апокалиптические, мессианские или «реставрационные» (подразумевается восстановление династии Мин. – *Е.З.*) элементы «Тяньдихуэй» вдохновили Линь Шуанвэня или тех, кто боролся с ним» [17, р. 94]. Восстание, по мнению Оунби, произошло в первую очередь из-за напряженных социально-экономических отношений и противоречий цинской администрации с широкими слоями местных жителей.

Что касается отечественных исследований хуэйданов, то, как уже было сказано выше, до конца 80-х гг. XX в. теория их возникновения и деятельности преимущественно развивалась в направлении антицинской борьбы тайных обществ. Однако с ослаблением идеологических установок и благодаря изысканиям китайских ученых в открывшихся фондах идеи «школы архивов» проникают, а в последствии занимают ведущие позиции и среди советских, позже – российских специалистов. Условным начальным рубежом этого процесса можно считать статью Б.М. Новикова «Проблема тайных обществ (хуэйданов) периода Цин в современной историографии КНР», где историк рассматривает основные этапы изучения тайных обществ в Китае, уделяя особое внимание именно исследованиям в ранее недоступных либо не использованных архивах и концепциям, возникшим на основе этих исследований [12, с. 158–190]. В вышедшей двумя годами позже статье «Вопросы типологии тайных обществ в Китае периода Цин» Б.М. Новиков рассматривает ряд принципиально важных вопросов, касающихся хуэйданов, в том числе причины их возникновения и характер деятельности, делая следующий вывод: «...хуэйданы возникли и получили быстрое распространение как один из социальных продуктов демографического взрыва и связанных с ним экономических процессов в китайском феодальном обществе XVIII в. (нарастание темпов концентрации земли и разорения крестьянства)... по своим первоначальным целям хуэйданы были не антидинастийными (антицинскими) политическими организациями, а объединениями обездоленных для взаимопомощи» [14, с. 168].

В 1995 г. была издана монография А.С. Костяевой «Тайные общества Китая в первой четверти XX в.», где автор пишет: «Тайные союзы представляли собой противостоящие официальным социальным и политическим структурам организации самозащиты и взаимопомощи различных слоев и групп китайского населения...» [8, с. 3].

Сам процесс возникновения хуэйданов А.С. Костяева характеризует следующим образом: «Начавшееся разрушение традиционных институтов социальной защиты, усиление процессов миграции населения лишали представителей различных слоев общества социальной опоры и защищенности. В этой ситуации среди больших групп людей, либо лишенных постоянных источников существования, либо испытывающих социальный дискомфорт, возрастало стремление к объединению.

Это стремление реализовывалось как путем вступления в уже существовавшие тайные организации самозащиты и взаимопомощи, так и в создании новых нелегальных сообществ» [8, с. 4].

Впрочем, А.С. Костяева, разрабатывая свою типологию тайных обществ цинского Китая, отличную от типологии Цай Шаоцина, предлагает делить их по принципу «политизированности» и различает хуэйданы, не имевшие изначально политических целей, являвшихся обществами взаимопомощи (союзы типа «Гэлаохуэй» по классификации Костяевой), и тайные союзы, создававшиеся для свержения династии Цин и восстановления ханьской династии Мин, которые тем не менее «преследовали и жизненно необходимые функции в качестве объединений взаимопомощи, взаимовыручки и защиты от несправедливости и разного рода притеснения властей» (союзы типа «Хунмэнь») [8, с. 46]. Несмотря на спорность утверждения об изначально антицинском характере союза «Хунмэнь», название которого по сути было одним из многочисленных самоназваний «Тяньдихуэй», нужно отметить оригинальность данной классификации.

Типология тайных союзов стала объектом исследования Б.М. Новикова в его выше упомянутой статье (что видно из ее названия), но в данной работе автор подробно рассматривает и убедительно обосновывает достаточно известную классификацию тайных союзов Китая как тайных религиозных сект (цзяомэнь) и собственно тайных обществ (хуэйдан) [14, с. 141–153].

Что касается социального состава тайных обществ Китая периода династии Цин, то в этом вопросе отечественные исследователи в основном солидарны с китайскими и западными синологами. По их мнению, ядро хуэйданов составляли люди низкого достатка и люмпенизированные элементы общества: бедные и разорившиеся крестьяне и ремесленники, корабейники, бродяги и разбойники, контрабандисты, солдаты, уволенные со службы, и т.п. [8, с. 42, 45, 55–58; 14, с. 158, 165]. Вместе с тем А.С. Костяева отмечает, что в периоды социальных обострений тайные общества могли существенно пополняться за счет крестьян, которые после окончания конфликта или в случае жестких репрессивных мер со стороны государства, как правило, покидали ряды хуэйданов [8, с. 157]. Кроме того, в тайных союзах можно было встретить и обеспеченных людей, а также представителей «достаточно достойных и уважаемых профессий (адвокаты, служащие ямыней и др.)» [8, с. 44].

Таким образом, «школа архивов», возникшая в результате внутривластных процессов в КНР, которые привели к большей открытости общества и, как следствие, к обеспечению доступа китайских и иностранных ученых к центральным и региональным архивам Китая позволила, основываясь на богатой источниковой базе, пересмотреть прежние, в том числе устоявшиеся, концепции возникновения и деятельности хуэйданов, поставить новые проблемы и задачи их изучения, повысить уровень научной аргументации. В настоящее время концепции «школы архивов» являются ведущими и наиболее авторитетными в изучении тайных обществ цинского Китая.

Библиографический список

1. Захаров, Е.А. Начальный этап исследований тайных союзов Китая: «колониальная школа» / Е.А. Захаров // Студент и научно-технический прогресс : материалы XLV международной научной студенческой конференции. Востоковедение. – Новосибирск, 2007.
2. Bolton, K. Triad Societies: Western Accounts of the History, Sociology and Linguistics of Chinese Secret Societies. 6 vols / K. Bolton, C. Hutton (dirs.). – L. ; N. Y., 2000.
3. Chesneaux, J. Secret Societies in China in the Nineteenth and Twentieth Centuries / J. Chesneaux. – Ann Arbor, 1971.
4. Sun-Yat-Sen. Memoirs of a Chinese Revolutionary / Sun-Yat-Sen. – N. Y., 1970.
5. Новиков, Б.М. Антицинское тайное общество Неба и Земли (Тяньдихуэй): проблема происхождения и начало деятельности : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.М. Новиков. – Л., 1976.
6. Murray, D.H. The Origins of the Tiandihui: The Chinese Triads in Legend and History / D.H. Murray, Qin Baoqi. – Stanford, 1994.
7. Ownby, D. Secret Societies Reconsidered / D. Ownby // Secret Societies Reconsidered: Perspectives on the Social History of Modern South China and Southeast Asia. – N. Y. ; L., 1993.
8. Костяева, А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века / А.С. Костяева. – М., 1995.
9. Захаров, Е.А. «Школа Жана Шено» и современная западная историография тайных обществ Китая / Е.А. Захаров // Молодежь в XXI веке : материалы VIII краевой научной конференции. – Барнаул ; Рубцовск, 2006.
10. Chesneaux, J. Introduction / J. Chesneaux // Popular Movements and Secret Societies in China 1840–1950. – Stanford, 1972.

11. Davis, F. *Primitive Revolutionaries of China: A Study of Secret Societies of the Late Nineteenth Century* / F. Davis. – L., 1971.
12. Новиков, Б.М. Проблема тайных обществ (хуэйда-нов) периода Цин в современной историографии КНР / Б.М. Новиков // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. – Вып. XII. – Л., 1990.
13. Introvigne, M. *L'interprétation des sociétés secrètes chinoises: entre paradigme ésotérique, politique et criminology* / M. Introvigne // *Études d'histoire de l'ésotérisme*. – P., 2007.
14. Новиков, Б.М. Вопросы типологии тайных обществ в Китае периода Цин / Б.М. Новиков // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. – Вып. XVI. – СПб., 1992.
15. Faure, D. *The Heaven and Earth Association in the 19th Century* / D. Faure // *Paper Presented at the Conference on Orthodoxy and Heterodoxy in Late Imperial China*. – Montecito, 1981.
16. Murray D.H. *Migration, Protection, and Racketeering: The Spread of the Tiandihui within China* / D.H. Murray // *Secret Societies Reconsidered: Perspectives on the Social History of Modern South China and Southeast Asia*. – N. Y. – L., 1993.
17. Ownby, D. *Brotherhoods and Secret Societies in China in Early and Mid-Qing China: The Formation of a Tradition* / D. Ownby. – Stanford, 1996.
18. Ownby, D. *Chinese Hui and the Early Modern Social Order: Evidence from Eighteenth-Century Southeast China* / D. Ownby // *Secret Societies ... Reconsidered: Perspectives on the Social History of Modern South China and Southeast Asia*. N. Y. ; L., 1993.
19. Ownby, D. *The Heaven and Earth Society as Popular Religion* / D. Ownby // *Journal of Asian Studies*. – 1995. – V. 54. – №4.
20. Ownby, D. *Recent Chinese Scholarship on the History of Chinese Secret Societies* / D. Ownby // *Late Imperial China*. – 2001. – V. 22. – №1.